

Богун Н. Архетип столицы и провинции в контексте православной культурологии / Н.А. Богун, М.Б. Столяр // Філософія етнокультури та морально-естетичні стратегії громадянського самовизначення: Зб. наук. статей / За ред. проф. В.А. Личковаха. – Чернігів, 2006. – С. 25–29.

С.25

УДК 008+281.9; 261.6

Н. БОГУН, М. СТОЛЯР

АРХЕТИП СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Человеческая культура развивается по преимуществу в больших городах – крупных центрах торговли, ремесла, политической жизни и т.п. Поэтому в культурологическом аспекте чаще всего оппозиция столицы и провинции не дает какого-либо интересного материала. Исключение составляют случаи, когда речь заходит о перемещении культурного центра или о цивилизационном перерождении столицы и возникновении новых культурных центров. В искусствоведении существует традиционная тема о соотношении столичного и провинциального искусства. Но это тема, а не архетип. Говорить об архетипе в данных контекстах, возможно, не совсем уместно. Когда же речь заходит о духовном основании культуры, вопрос о соотношении столицы и провинции приобретает архетипическую глубину. Целью данной статьи есть исследование содержания данного архетипа с православной точки зрения.

Начнем с материала *Ветхого Завета*, на котором оппозиция столицы и провинции прослеживается на множестве образов и смыслов.

Египет является образом столичной роскоши и материального благополучия. Здесь евреи тяжело трудятся, но имеют при этом изобилие пищи. Весь строй жизни в Египте складывается так, чтобы люди основные свои усилия тратили на достижение материальных благ и забывали при этом о Боге. Вещное богатство Египта, по сути, удерживает евреев в Египте сильнее, чем их

рабское социальное положение. *Таким образом, Египет есть символ забвения Бога вследствие полного подчинения человека материальным потребностям.* Это подчинение является настолько сильным, что такая близкая обетованная Богом земля оказывается недоступно далекой для целого поколения евреев. Несколько десятилетий они тратят на дорогу, которая заняла бы всего несколько месяцев. *Эта история является жестким напоминанием того, что можно идти к Богу, но никогда к нему так и не прийти, постоянно погружаясь в суету житейскую, хаос помыслов и воспоминаний.* Уйдя из Египта физически, эти люди унесли Египет в своих сердцах. Поэтому он распространил свои щупальца и на пустыню, по которой блуждали евреи. Порабощение Египту проявилось и в том, что даже величайшие в Ветхом Завете чудеса, сотворенные Богом по молитвам Моисея, не просветили ожесточенные сердца людей.

Земля обетованная, будучи по тогдашним мирским, географическим понятиям, местом провинциальным, является столицей Духа. Она есть символ Царствия Небесного. И хотя духовной пищей в пустыне подкреплялись все евреи, и все они были свидетелями удивительных чудес, когда расступалось перед ними море, когда огненный столп освещал им дорогу по ночамно лишь верные Богу во всем и до конца достигли земли обетованной. Те же, кто внутренне был обращен к Египту, остался лежать

С. 26

в мертвой пустыне, подобно тому, как осталась стоять соляным столпом жена Лота, обернувшаяся, чтобы посмотреть на гибнущие города Содом и Гоморру.

Несколько другой аспект противопоставления столицы и провинции можно раскрыть на примере образов Вавилонской башни и лестницы Иакова. *Вавилонская башня является архетипом мнимого обожения человека, когда свое горделивое удаление от Бога человек считает приближением к Нему.* *Вавилонская башня – образ превращенной осмысленности жизни при полном отсутствии внутренней связи с Богом как источником жизни.* В данном

архетипе выражаются, прежде всего, различные формы человеческой гордыни [см. 1, 6].

Противоположным Вавилонской башне образом есть *лестница Иакова*. Когда Иаков бежит от гнева своего брата в далекую Месопотамию, в одну из ночей ему снится удивительный сон. В этом сне он видит лестницу, соединяющую небо и землю, и Ангелов восходящих и нисходящих по ней. И видит Господа, стоящего на лестнице и дающего Иакову великое обетование, главный смысл которого заключен в словах: "И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда та не пойдешь..." (Быт. 28: 15). И пробудившись от сна, сказал Иаков: Истинно Господь присутствует на месте сем; а я и не знал!" (Быт. 28: 16). Да и как мог знать Иаков, смиренно укладываясь спать на земле и подкладывая себе под голову камень, что к нему снизойдет Господь. Этот ночлег Иакова под открытым небом является не столько символом его материально бедственного состояния, сколько его смирения или, говоря евангельскими словами, *духовной нищеты* (Мф. 5: 3), потому что, встав ото сна, убоился он Господа и сказал: "Как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные" (Быт.28: 17).

Итак, лестница Иакова была явлена ему в конкретном месте, но она, по сути, перемещается вместе с ним. Ось Жизни, соединяющая Бога и человека "не привязана" к определенному месту, но есть выражением Любви. Вавилонская же башня – образ фамильярного отношения к Богу, отношения, не знающего ни благоговения, ни страха, ни любви.

Падение великих столиц и превращение их в захолустье, а иногда и в совершенно безлюдные, дикие места подчинено одной глубочайшей духовной закономерности, которая раскрывает еще один аспект архетипа *столицы – провинции*. Когда Господь говорит Аврааму про свое намерение посетить Содом и Гоморру, дабы покарать их жителей, Авраам набирается смелости и молитвенно вопрошает Господа о судьбе тех немногих праведников, которые, возможно, найдутся в этих городах. Первый ответ Господа Аврааму звучал так: "Если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу

все место сие" (Быт.18: 26). Но Авраам не успокаивается. Вновь и вновь задает он свой вопрос, постепенно уменьшая количество возможных праведников. Последний вопль Авраама был о десяти праведниках и услышал он последний ответ, после которого Господь перестал говорить с ним: *"Не истреблю ради десяти"* (Быт.18:32).

Но эти слова "не истреблю ради десяти" не значили того, что меньшее количество праведников должно было погибнуть со всеми нечестивцами. Авраам спрашивал об одном, а Господь говорил иное. *Авраам болел душой о людях благочестивых, а Господь обо всех людях.* Авраам просил пощадить праведных, Господь обещал ради праведных пощадить *всех*. И если столица еще не стала мертвым местом, над которым летают вороны, то значит, в ней еще есть праведники, имеющие живую связь с Богом, ради которых Господь терпит всех нас, оставляя время на покаяние.

В Новом Завете тему "столица – провинция" открывает Рождество Христово. Волхвы, узнав по звезде о рождении Царя, приходят в столицу, желая поклониться Ему. Но Рождество по пророчеству должно было произойти в Вифлееме. Господь рождается не во дворце и даже не в скромном человеческом жилище, а в загоне для скота. Еще Рим находится на вершине своей власти, еще многочисленные дороги стягиваются в один узел – Рим, еще отсчет времен люди ведут по-старому, но уже пошел новый отсчет времени: *от Рождества Христова*. Началась Новая эра в жизни человечества. Это эра, когда человек не по месту рождения и не по социальному положению,

С. 27

не по случайному совпадению и не по злему року, но по своему свободному выбору может приблизиться к Источнику жизни и бессмертия.

Когда философы говорят о теоцентричности средневекового сознания, они допускают целый ряд неточностей. Во-первых, теоцентрично не средневековое, а именно христианское сознание. В средние века огромное количество людей пребывало, по сути, в языческом состоянии. Использование христианской символики, терминологии часто носило внешний,

идеологический характер. Что же касается христианства, то заключать его в рамки средневековья совершенно некорректно. Один факт, что в страшном своим богоборчеством XX веке православных святых было больше, чем за всю историю христианства на Руси, говорит нам о том, что с момента своего основания Церковь существует всегда, и "врата ада не одолеют ее" (Мф.16: 18).

Следующая неточность касается соотношения понятий "теоцентризм" и "антропоцентризм". Данные термины рассматриваются как взаимоисключающие. Но если подойти к этому вопросу конкретно и непредвзято, то мы поймем, что вне теоцентризма подлинный, а не беспочвенный антропоцентризм просто невозможен. Во что превратится человек, возомнивший себя богом? Станет ли он реальным центром бытия? Или он почувствует себя ничтожной пылинкой, затерянной во вселенной? Несомненно, следствием титанического антропоцентризма Возрождения и Нового времени стал *онтологический провинциализм* человека и человечества. Это ощущение принципиальной неукорененности человека в бытии направляет его усилия на поиск хоть какой-то почвы в направлении дурной бесконечности. Сначала человек устремляет свой взор к горизонту, потом он начинает искать жизнь на других планетах, и каждую минуту своего времени он стремится окунуться, спрятаться в какое-то виртуальное пространство. Это поиск смысла в бессмысленном есть ни что иное, как попытка бегства от смерти – единственной "высшей инстанции" и "абсолютной власти", которую признает человек, считающий себя богом [см. 2, 21].

Для христианина смерть выступает как побежденная Христом смерть: кто умирает с Христом, тот с Христом и воскресает, врата ада разрушены, смерть не имеет абсолютной власти над человеком. Для представителя титанического гуманизма или антропоцентризма смерть фактически выступает центром бытия. И весь тот невообразимый шум, который поднимается в человеческой культуре на всех ее уровнях, вся эта немислимая суэта на ярмарке тщеславия, по сути, представляет собой бесконечный ритуал мнимого "преодоления"

смерти как единственной сверхреальности, с которой считается антропоцентричное мировоззрение.

Блестящую критику абстрактного антропоцентризма дает замечательный представитель английского просвещения Даниэль Дефо. В советское время прочитать роман "Робинзон Крузо" в полном объеме было доступно лишь небольшому количеству специалистов. Но вот в первые годы так называемой перестройки вышел полный текст, и обнаружилось, что он едва ли не втрое больше известной всем книги. Простое сравнение двух текстов дало не менее простой и очевидный ответ, *что* именно выбросили советские редакторы из гениального романа. И оказалось, что при таком "сокращении" смысл произведения утрачен вовсе. В искореженном пропусками романе герой остается наедине с природой и начинает осваивать ее. Он здесь хозяин и бог. То есть текст романа был подогнан под концепцию титанического гуманизма. Сам же Даниэль Дефо *"забросил" Робинзона на необитаемый остров, чтобы он остался наедине с Богом.* А знаменитый его роман может считаться прекрасной художественной иллюстрацией теоцентризма как фундаментальной основы подлинного антропоцентризма.

В начале романа отец Робинзона не дает ему родительского благословения на далекое плавание. Позиция отца: центр бытия – связь Бога и человека. Этот центр не надо искать за океаном, он находится в сердце человека. Когда же человек, забывая о своей внутренней сущностной связи с Богом, устремляется к внешним целям, он превращается в вечного скитальца, нигде не находящего себе покоя.

Но все попытки остановить молодого Робинзона оказались тщетными. Его внутреннее Я молчит. Его кипучая натура стремится к решительным действиям,

С. 28

направленным во вне. То была эпоха, когда прямая перспектива увлекала человека к горизонту. И Робинзон, подчиняясь этому всеобщему увлечению, бежит из дому и садится на корабль. Далее происходит классическая

библейская сцена. Разыгрывается страшнейший шторм. Корабль с экипажем на грани гибели. И тут, подобно ветхозаветному Ионе-пророку, Робинзон понимает, что *это все из-за него*. Иначе говоря, он, наконец, почувствовал себя центром бытия, связанным с Богом. И он вопит ко Господу о помиловании и о прощении, он обещает вернуться домой и никуда из дома больше не уезжать. Неминуемая смерть отступает. И герой забывает о своем обещании. Он садится на другой корабль и опять отдается страсти, влекущей его неведомо куда. Вновь разыгрывается морская стихия, но это уже не шторм, а страшнейшая буря. На сей раз никаких надежд на спасение у экипажа нет. И опять вспоминает свое обещание Робинзон. И опять молит Бога спасти его. И оказывается выброшенным на берег необитаемого острова.

А теперь соотнесем, какой объем романа посвящен борьбе за физическое выживание героя, а какая часть текста повествует о постепенно зарождающемся диалоге человека и Бога, и мы поймем, почему толстая книга стала такой тоненькой после богоборческой правки. Ведь главной находкой героя были не орудия труда, а Библия, которую Робинзон впервые читает не по внешнему требованию, но по внутренней потребности.

Критики так называемой робинзонады утверждают, что человек вне общества дичает и превращается в животное. Но история дает нам не менее многочисленные случаи *коллективного* одичания людей, когда люди на место Бога возводят очередных идолов. И наоборот, более чем двухтысячелетняя история существования христианства дает бесчисленные примеры такого высокого подвига анахоретов, когда уже даже не высокая человечность, но ангельский лик светился через брENNую плоть.

Цари и императоры, папы и президенты, богачи и нищие тянулись в отдаленные от человеческого жилья пустыни, где подвизались эти святые, чтобы получить молитвенную помощь и исцеление. Даже известный страшными гонениями на христиан в XX веке Сталин послушался совета митрополита Ливанских гор Илии, когда угроза поражения Советского Союза в войне с гитлеровской Германией стала очевидной. По совету старца были

открыты церкви (которые еще не успели разрушить), выпущены из тюрем и концлагерей многие священники и был совершен крестный ход с иконой Божьей Матери вокруг Москвы. Тогда-то и ударил тот знаменитый мороз, который остановил немецкую технику на подступах к Москве [см. 3].

Таким образом, в вышеприведенных примерах столица и провинция противопоставляются не как географические или социологические понятия, но как реальности духовного порядка. При этом совсем не обязательно, что мирская столица не может быть одновременно столицей в духовном смысле слова. Величайшее во всей человеческой истории покаяние имел человек, облеченный царской властью – псалмопевец Давид. И в данном случае, город царя был, одновременно, духовным центром. Такое счастливое совпадение всегда самым благоприятным образом сказывалось на экономическом, политическом и культурном состоянии государства. И не менее ярко это можно продемонстрировать не только на истории Израиля, но и на примере истории Украины. Лучшие страницы нашей истории связаны с тем временем, когда правители и народ обращаются к Богу, когда строятся храмы и укрепляется православная вера. И худшие времена наступают тогда, когда народу навязывают правителя как кумира, когда деньги и власть служат средством насаждения антихристианского мировоззрения, всевозможных расколов и ересей, когда подвергаются гонениям православные христиане. В отечественной истории есть чрезвычайно интересный факт, когда вместе с преподобным Антонием Печерским, переселившимся на некоторое время в Черни-

С. 29

гов, фактически переместилась в Чернигов и духовная столица Киевской Руси. Несомненным духовным центром был Чернигов во времена святителя Феодосия, святителя Димитрия Ростовского, преподобного Лаврентия и других подвижников земли Черниговской.

Но есть места на Земле, которые с определенного времени являются центрами духа на все времена. Это Иерусалим, в котором Господь принес за

нас Свою вечную жертву, это освященная молитвами подвижников египетская пустыня, это святая гора Афон, это множество православных обителей – действующих или пока пустующих, но пустующих лишь физически, духовно же излучающих свет.

Когда один современный подвижник вынужден был совершить долгий перелет на самолете почти через половину полушария, он сам говорил своим спутникам, где они сейчас пролетают. Проверив его слова у стюардессы, последние были несказанно удивлены. Старец же не видел в этом ничего удивительного. Он совершенно отчетливо чувствовал землю, источающую свет и землю, покрытую мраком. А вот другая история, которая приводится в замечательной книге Н. Павловой "Пасха красная". Однажды в Оптину пустынь (знаменитый русский монастырь, особенно известный в XIX – начале XX века своей традицией старчества), приехали космонавты, разыскивавшие даже не монастырь, но ту точку координат, где над землей вздымался в небо столп света. Они сняли из космоса это свечение, а позже подарили обители многократно увеличенную фотографию, где уже различимы монастырь и скит. Это Оптина, она еще в руинах, но источает земля благодатный свет (пустынь стала восстанавливаться в 1988 году) [См.: 4, 10].

Сегодня, в начале XXI в., центры духовности (воспроизводимой и возрождающейся) фактически выполняют роль неофициальных столиц мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Столяр М.Б. Пошуки сенсу життя в європейській культурі: дві світоглядні парадигми // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Вип.32. Серія: Філософські науки. – Чернігів, 2005.
2. Давыдов Ю. Этика любви и метафизика своеволия. – М., 1982.
3. Казин Александр. Последнее царство. Русская православная цивилизация // Библиотека Благовещение / www.wco.ru.biblio
4. Павлова Н. Пасха красная. О трех Оптинских новомучениках, убиенных на Пасху 1993 года. – М., 2004.